

УДК 330.3, 327.8

Екатерина ЭНТИНА,
Наталья КОНОВАЛОВА

ПЕРЕХОДНЫЕ ОБЩЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ “ГРЕЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ” (на примере Черногории)

Аннотация. В статье раскрывается суть политэкономического феномена “греческой болезни” как рамочного для анализа экономических и политических процессов в переходных обществах. Авторы статьи обосновывают точку зрения, что если переживающему переходный период государству предоставляются экономические и политические ресурсы без создания условий для их эффективного использования, включая соответствующие механизмы, то такое государство подвергается угрозе дестабилизации. На основе анализа послевоенной истории Греции сформулированы экономические и политические критерии для определения эффективности использования поступающих ресурсов. Авторы показывают, что из-за зависимости экономического роста от потребления, слабости производственного сектора, а также нерационального распределения внешних заимствований, греческое государство оказалось неспособно преодолеть кризис самостоятельно. Особое внимание в статье уделено принятию Греции в НАТО и ЕЭС по стратегическим соображениям, что не способствовало укоренению в стране демократических порядков и основ рыночной экономики. Выявленные закономерности применимы для анализа ситуации не только в Греции, но и в Черногории – другой балканской стране, которая сопоставима с Грецией по ряду значимых показателей. Парадигма “греческой болезни” легла в основу прогноза будущего экономического и политического развития Черногории, в том числе корректировки её внешнеполитической ориентации.

Ключевые слова: “греческая болезнь”, переходные общества, НАТО, Европейский Союз, Греция, Черногория.

В экономической литературе подробно описан феномен “голландской болезни”. Суть этого явления заключается в том, что богатые природными ресурсами экономики при непродуманной политике экспорта и в отсутствие макроэкономического позиционирования сталкиваются с такими трудностями, как ухудшение качества институтов, высокий уровень коррупции, ослабление производственного сектора и др.

В свою очередь, наблюдение за политическими и экономическими процессами в Греции в послевоенный период позволяет констатировать наличие “греческой

© **Энтина Екатерина Геннадьевна** – к.п.н., доцент департамента международных отношений Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, старший научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Москва, Моховая ул., 11-3. **E-mail:** e.entina@hse.ru

Коновалова Наталья Александровна – младший научный сотрудник ИНИОН РАН. **Адрес:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 15, к. 2. **E-mail:** konovalova.n.a@my.mgimo.ru

болезни”. Нами она квалифицируется, скорее, как политэкономический, нежели чисто макроэкономический феномен. В частности, мы усматриваем зависимость между тем, что государство, переживающее переходный период и не имеющее надлежащего институционального климата, становясь реципиентом финансовых вливаний и политических бонусов, сталкивается в будущем с экономической и/или внутривластной нестабильностью. В случае Греции промежуточным звеном между тем и другим стало воспроизводство модели экономического роста, базирующейся на внутреннем потреблении в отсутствие значимого экспортно-ориентированного производства, что привело к росту внешнего долга и дефицита платёжного баланса.

На основе анализа ситуация в Греции можно попытаться определить критерии возникающего в описанной выше ситуации дисбаланса поступающей извне помощи и возможности её эффективного использования в переходном обществе. В финансово-экономической сфере, на наш взгляд, эти индикаторы таковы: объём внешнего долга относительно ВВП; соотношение ПИИ в реальный сектор экономики и спекулятивных вливаний; степень сбалансированности структуры экономики; состояние платёжного баланса; появление “пузырей” в различных отраслях экономики. Что касается показателей неустойчивости в политической сфере, то можно выделить, во-первых, принятие государства в привилегированные международные объединения, несмотря на его несоответствие критериям членства; во-вторых, поддержка политического режима данного государства внешними игроками, несмотря на его неустойчивость. Создаётся ситуация, при которой государство начинает всё больше полагаться на внешние ресурсы, а не на собственный потенциал развития, вследствие чего нарастает его зависимость от иностранных экономических и политических субъектов.

При подобных предпосылках в переходном обществе могут развиваться некоторые неблагоприятные тенденции. Например, государство оказывается уязвимо перед лицом экономических шоков, преодолеть которые при значительных дисбалансах национальной экономики возможно лишь путём усиления зависимости от внешних игроков. Эффективность распределения государственных средств неуклонно снижается, а структурная перестройка экономики тормозится, как и при симптомах “голландской болезни” [Прудникова, 2009]. Ресурсная рента, как и непомерные экономические вливания, могут “ослеплять” правительства, подталкивают к тому, чтобы направлять ресурсы на сохранение статус-кво, вместо того чтобы инициировать перемены [Ross, 1999]. Как следствие, механизм принятия решений становится менее транспарентным, распространяется коррупция, что влечёт за собой нарастание политической нестабильности в стране. Всё это может иметь пагубные последствия именно для переходных обществ, поскольку традиция политического участия в них не столь укоренена и откат к авторитарным методам управления более вероятен. В дополнение к этому, осуществление структурных реформ требует политической воли, а политики, пришедшие к власти на фоне слома прежних порядков, нередко в гораздо большей степени озабочены переделом собственности и укреплением собственной власти, чем проведением реформ. Таким образом, переходные общества оказываются более подвержены риску деградации институтов.

Не стоит упускать из виду и материальный аспект преобразований: именно обществам, осуществляющим переход к другой социально-экономической и политической модели, требуется финансовая и техническая помощь внешних игроков, равно как и их политическая протекция. Иными словами, стоящие на пороге радикальных трансформаций государства нуждаются не только в займах и инвестициях,

но и в повышении своего статуса за счёт присоединения к престижным международным объединениям, а также в помощи в институциональном строительстве, которое бы обеспечивало эффективный контроль над характером потребления. Следовательно, финансовые вливания при слабости институтов и преждевременное членство в международных “клубах” представляют опасность именно для переходных обществ.

Выявленные закономерности находят подтверждение в исследованиях зарубежных и отечественных специалистов. Например, высказывается мнение о том, что в Греции сформировалась уникальная экономическая модель, основной чертой которой является рост при отсутствии развития [Pedaliu, 2016]. Иными словами, даже демонстрируя рост по основным показателям за счёт притока иностранных инвестиций и привлечения зарубежных займов, без структурных трансформаций экономика не развивается. Политическая элита страны предпочитает либо расходовать средства на нужды потребления, либо, при благоприятной конъюнктуре реализовывать краткосрочные задачи по снижению наиболее неэффективных расходов [Квашнин, 2016]. Такая политика ведёт в порочный круг – за ростом задолженности следуют меры жёсткой экономии, которые приводят к рецессии и обнищанию населения [Pedaliu, 2016].

Термин “греческая болезнь” может быть использован для анализа экономических и политических процессов не только в Греции, но и в других переходных обществах, особенно в балканском регионе. Попробуем сопоставить греческий и черногорский опыт проведения реформ в переходный период на фоне нарастания их финансовой зависимости от внешних игроков и присоединения к евроатлантическим структурам.

Экономическое и политическое развитие Греции в послевоенный период

С середины 1940-х годов, после ликвидации фашистской диктатуры и в ходе гражданской войны (1944–1949 гг.) в Греции была восстановлена монархия. В 1947 г. США в соответствии с “доктриной Трумэна” выделили Греции солидную экономическую помощь. В 1952 г. Греция стала членом НАТО. Альянс стремился ограничить советское присутствие в Средиземноморье. То есть страна, переживавшая политическую трансформацию и восстанавливавшая свою экономику, получила финансовую помощь извне, а также присоединилась к мощному военно-политическому объединению.

Негативные последствия подобного положения проявились не сразу. Напротив, благодаря американской поддержке стало возможным “греческое экономическое чудо”: наблюдался рост уровня жизни; увеличивалась численность среднего класса; экономика демонстрировала высокие темпы роста, рост ВВП в отдельные годы превышал 9% [GDP Growth...]. Экономический рост достигался в основном за счёт внутреннего потребления, а экспортный потенциал страны оставался скромным. Индустриализация затронула лишь лёгкую промышленность, а роль двигателей экономического развития отводилась финансовому сектору и торговле недвижимостью. Такая траектория экономического развития Греции была выгодна не столько ей самой, сколько экспортным гигантам вроде Германии, приток ликвидности которых во многом генерировался за счёт разрастания дефицита в Греции и подобных ей странах периферии [Schmidt, 2011: 73].

Что касается вступления в НАТО, то оно, вопреки ожиданиям, сняло далеко не все внешние угрозы. Конфликты с Турцией периодически обострялись, едва не обернувшись войной. Вследствие греко-турецкой “вялотекущей гонки вооружений” Греции приходится поддерживать расходы на оборону (в % ВВП) на уровне в

два раза выше, чем в среднем в ЕС [Zotti, 2013]. Некоторые экономисты полагают, что у Греции сейчас не было бы задолженности, если бы эти средства поступали на нужды экономического развития, а не на военные цели [Pedaliu, 2016]. Политическая цена для греков также оказалась высокой. Ещё до прихода к власти военной хунты политический режим в стране далеко не был демократическим, что, однако, мало беспокоило европейские демократии и США. Даже после государственного переворота 1964 г. США и НАТО оказывали поддержку военной хунте, принимая, по видимому, во внимание её нарочито антикоммунистическую риторику.

В экономическом плане “чёрные полковники”, пытаясь создать лояльный режиму социальный слой, не только способствовали укреплению отношений типа “патрон–клиенты”, но и наращивали объём сомнительных финансовых заимствований. Экономическая политика военной хунты не имела бы для Греции таких тяжёлых последствий, если бы не нефтяной шок 1973 г. Как бы то ни было, после падения режима в 1974 г. инфляция в Греции составляла около 30%, и по решению главы Банка Греции Кс. Золотаса с ней стали бороться посредством получения новых займов [Pedaliu, 2016:61]. Перед страной стояли задачи по демократизации и переходу к рыночной экономике для вступления в ЕЭС. Греция снова вступила в переходный период:

Греция была принята в ЕЭС в 1981 г., несмотря на то, что страна очевидно не соответствовала экономическим стандартам объединения. Были национализированы многие банки и проблемные предприятия, управление экономикой становилось всё более централизованным, вход на греческий рынок для зарубежных компаний затруднялся, усилилось влияние профсоюзов, которые срастались с политическими партиями. Помимо этатизма, протекционизма и клиентелизма, греческая экономика страдала и от популизма. Лояльность граждан правительство обеспечивало за счёт увеличения их социальной поддержки, не разрабатывая при этом адекватной системы налогообложения [Pedaliu, 2016].

Уже добившись присоединения Греции к ЕЭС на выгодных для страны условиях, сменяющие друг друга правительства так и не инициировали реформ, которые способствовали бы адаптации Греции к общеевропейским нормам. В результате к началу 1990-х гг. структурное расхождение между греческой и другими европейскими экономиками достигло 6%, к началу 2000-х показатель структурного сближения не превышал 1,14% [Bitros, 2013:12].

В предкризисные годы руководство страны, озабоченное перспективами своего переизбрания, откладывало болезненные реформы. Бюджетные средства расходовались на текущие нужды. Греческие инвесторы предпочитали зарубежные страны (например, соседние Албанию и Македонию) [Зеликсон, 2015]. В условиях деиндустриализации и падающей конкурентоспособности стал расти импорт.

В силу специфики структуры греческой экономики – вклад сектора услуг в ВВП находился на уровне 79,1% – уравновесить стоимость импорта за счёт экспорта не представлялось возможным [Services...]. В итоге усугубился дефицит платёжного баланса, составивший в 2008 г. около 51,3 млрд долл., то есть порядка 14,5% ВВП [Current account...]. Помимо этого, существенным вызовом для страны стало образование “пузыря” на рынке недвижимости. Конечно, в 2005–2007 гг. во всей еврозоне наблюдался оптимизм по поводу роста цен на недвижимость, выражавшийся в кредитном буме [Zavrl, Kljajic, 2010]. Однако Греция оказалась в менее благоприятной ситуации, чем остальные европейские экономики.

Дело в том, что в периоды бумов, когда темпы прироста задолженности частных лиц повышаются, объёмы государственных заимствований должны снижаться для придания экономике устойчивости. Долг же греческого правительства (в % ВВП),

напротив, к 2008 г. составил 109,4% при общем внешнем долге в 150% [General Government...; Greece External...]. Кроме того, на фоне дисбалансов в экономике, которые не внушали доверия серьезным инвесторам, финансовые вливания носили в основном спекулятивный характер.

Возникает вопрос, почему в предкризисный период Греция могла игнорировать стандарты ЕС? Во-первых, в ЕС полагали, что Греция по сравнению с масштабом экономики всего объединения в целом “слишком мала, чтобы иметь значение” [Bitros, 2013:7]. Во-вторых, существовало опасение, что повышенное давление Брюсселя на Грецию могло вызвать подъём евроскептицизма и обернуться выходом страны из ЕС. В-третьих, несмотря на все недостатки греческой экономической модели, она до определённого времени способствовала повышению уровня жизни населения. Например, с 1974 г. по 1982 г. благосостояние греков выросло на 58–68%, продолжая повышаться до конца 1980-х гг. [Gottschalk et al., 1997].

Таким образом, вследствие несбалансированных финансовых вливаний и “разбухания” непроизводственных секторов в стране, переживающей переходный период, сокращаются возможности противодействия неблагоприятным тенденциям. Политические авансы создают иллюзию абсолютной защищенности от внутренних и внешних рисков. Внутриполитическое положение в стране всё больше ставится в зависимость от внешних сил. А усилия по стабилизации с их стороны требуют политической воли и объективности при оценке ситуации, которых может не быть по целому ряду причин. Итак, как видно на примере Греции, имеется взаимосвязь между изначальными диспропорциональными вливаниями экономических и политических ресурсов и дальнейшей дестабилизацией в стране.

Феномен “греческой болезни” применительно к Черногории

Описанный феномен “греческой болезни” может быть использован и для описания положения в других странах. В частности, такие балканские страны, как Греция и Черногория, сопоставимы по ряду показателей. Как Греция, так и Черногория располагают выходом к морю и обладают развитой портовой инфраструктурой. Китай, например, налаживает с ними активные связи, рассчитывая превратить их порты – Пирей и Бар соответственно – в перевалочные пункты при доставке своих грузов в Европу.

Что касается геополитического положения Греции и Черногории, наличие в них военной портовой инфраструктуры позволяет осуществлять контроль над восточным Средиземноморьем и оперативно реагировать на кризисы в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Североатлантический альянс был заинтересован во вступлении Греции и прилагал усилия для того, чтобы ускорить процесс присоединения Черногории.

Так же как когда-то принятие Греции в ЕЭС мотивировалось конфронтацией с советским блоком, продвижение Черногории по пути обретения членства в НАТО происходит на фоне обострения отношений между Россией и Западом. Не исключено, что помимо демонстрации своей жизнеспособности евроатлантические структуры не прочь ослабить позиции России на Балканах, заручившись лояльностью её традиционного союзника – Черногории.

Другим важным фактором, позволяющим сравнивать Черногорию с Грецией, является схожая ментальность их народов, которая определяет особенности организации экономических отношений и применения правовых практик. Отмечается, что в Греции и Черногории распространены коррупция и уклонение от уплаты налогов. Высока задолженность по потребительским кредитам, велик дефицит платёжного баланса [Zeneli, 2012].

Черногорию, как и Грецию в период её присоединения к НАТО и ЕЭС, можно охарактеризовать как переходное общество. Переходный период в первой был не менее драматичен, чем во второй. После распада СФРЮ Черногория вместе с Сербией провозгласили Союзную Республику Югославию (СРЮ), экономическое развитие которой было затруднено и замедленно целым рядом обстоятельств. После выхода из состава государственного содружества Сербии и Черногории в 2006 году, который был ускорен в том числе вследствие самостоятельной ориентации Черногории на сближение с НАТО и ЕС, страна наконец приступила к реформам по демократизации и укреплению рыночной экономики.

Итак, между Грецией и Черногорией имеются сходства по ряду существенных параметров, на основании чего уместно рассмотреть экономические и политические процессы в современной Черногории через призму “греческой болезни”. В этом контексте отличительными чертами черногорской экономики являются экономический рост за счёт наращивания потребления, финансирование расходов посредством заимствований на внешнем рынке, преобладание финансовых вложений в непроизводственный сектор, тенденция к появлению “пузырей”.

Рассмотрим, как указанные дисбалансы провоцируют кризис черногорской экономики. Изначально недостаток во внутренних финансовых ресурсах привёл к тому, что черногорцы стали широко полагаться на иностранный капитал. Соответственно, средства вкладывались в те отрасли, которые казались привлекательными для инвесторов, а заметных национальных проектов, которые компенсировали бы возникавшие диспропорции и поддерживали бы черногорское производство, не реализовывалось. При этом частные лица расходовали на потребление не только весь личный доход, но и банковские кредиты, что сводило на нет перспективу финансирования серьёзных проектов за счёт аккумуляции ресурсов на национальном финансовом рынке.

В итоге в предкризисный период распределение инвестиций по секторам сложилось в пользу недвижимости, туризма, строительства и финансовых услуг, тогда как обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство и добыча полезных ископаемых страдали от недоинвестирования [Vasović, 2014]. В 2007 г. из всех вложенных в черногорскую экономику средств 49% приходилось на недвижимость [Fabris, Mitrović, 2012:137], а сумма выданных кредитов по сравнению с предшествующим годом удвоилась, что свидетельствовало о возникновении “пузырей” на рынках недвижимости и капитала, лопнувших в конце 2008 г. [Vučinić, 2015].

Деградация производственной базы усугублялась ещё и тем, что в предкризисные 2005–2008 гг. темпы прироста заработной платы в Черногории существенно превышали темпы прироста ВВП. В итоге уже в 2007 г. дефицит платёжного баланса Черногории был самым крупным из всех западно-балканских государств – на уровне 40% ВВП [Current Account...]. Причём самостоятельно совладать с ним страна не могла: её экономический рост зависел от притока иностранного капитала, внешних займов и высокого уровня внутреннего потребления [Fabris, Mitrović, 2012]. Вследствие этого финансирование дефицита осуществлялось благодаря получению новых займов на внешнем рынке и выпуску евробондов.

Тем не менее, несмотря на проблемы с задолженностью Черногории, её инвестиционная привлекательность и солидный объём накопленных ПИИ могли бы служить “подушкой безопасности” в начале кризиса. Действительно, в 2008 г. Черногория была лидером среди стран своего региона по объёму ПИИ на душу населения за год; крепки были и её позиции по объёму накопленных иностранных инвестиций на душу населения [Efthymiopoulos, Zeneli, 2015]. Однако кризис ударил по Черногории сильнее, чем по другим экономикам региона: если в 2007 г. её ВВП

демонстрировал темпы прироста в 10,7%, то в 2009 г. они составили 5,7% [Vučinić, 2015: 75].

При этом выбор антикризисных мер оказался не столь велик. Были сокращены расходы на содержание государственных органов, заморожена индексация пенсий, были повышены налоги [Vučinić, 2015]. Но, как отмечают исследователи, “подобные экономические проблемы для Черногории гораздо опаснее, чем для других переходных экономик”, поскольку страна не может извлекать выгоду из изменения обменного курса [Fabris, Mitrović, 2012:140]. После того, как страна в 2002 г. в одностороннем порядке ввела в оборот евро, она лишилась таких инструментов монетарной политики, как денежная эмиссия или возможность управлять обменным курсом, не получив при этом никаких гарантий от ЕЦБ. В случае банкротства черногорских банков их вкладчики не могут обратиться к нему за компенсацией, равно как и сама Черногория – за пополнением запаса ликвидных средств.

Черногорское правительство было вынуждено прибегнуть к привычным методам долгового финансирования и привлекать новые инвестиции, чтобы на фоне антикризисных мер предотвратить скатывание экономики в затяжную рецессию. В итоге государственный долг Черногории вырос с 27,5% ВВП в 2007 г. до почти 58% в 2013 г. [Vučinić, 2015:75]. Из-за новых вложений в черногорскую экономику возникли те же риски, что и прежде. В 2009 г. более 70% всех инвестиций направлялось в банковскую сферу, что могло привести к формированию очередного “пузыря” [Fabris, Mitrović, 2012]. Динамика кризисных явлений в черногорской экономике свидетельствует о наличии многих черт “греческой болезни”.

Что касается политических авансов, как и в случае с Грецией, речь идёт о продвижении Черногории по пути интеграции в НАТО и ЕС, к чему последние её заметно поощряли. Так, в декабре 2015 г. Черногория получила приглашение присоединиться к НАТО, хотя многие предписания Альянса были выполнены лишь на бумаге. Если по его настоянию Черногория приняла на себя обязательства увеличить расходы на оборону и осуществить реформы в сфере безопасности, то на ситуацию с верховенством закона в стране и уровнем общественной поддержки евроатлантической интеграции объединению пришлось закрыть глаза, вступление Черногории в альянс состоялось.

У ЕС основные претензии связаны со свободой слова, коррупцией и организованной преступностью [Montenegro 2016...]. Отмечаются также рост государственного долга, зависимость банковского сектора от зарубежных финансовых средств, экспортно-импортные дисбалансы [Montenegro 2016...]. Однако во время визита в Черногорию в марте 2017 г. Ф. Могерини назвала достигнутые результаты “фантастическими” и заявила, что вступление Черногории в ЕС – это реалистичная перспектива для нынешнего поколения политиков [Mogherini...].

Ф. Могерини выступала в обстановке блокирования парламентских заседаний депутатами от оппозиции в связи с обвинениями в адрес правящей партии ДПС в нарушениях на парламентских выборах, а также на фоне отсутствия единства в обществе по поводу вступления в НАТО. Подобные заявления и действия, на наш взгляд, говорят о том, что движение Черногории к вступлению в ЕС и в НАТО искусственно форсировалось и является политическим авансом.

Перспективы развития Черногории сквозь призму “греческой болезни”

Исходя из описанных выше тенденций, можно сформулировать ряд предположений о будущем Черногории. Что касается сферы безопасности, едва ли членство в НАТО повысит уровень защищённости страны. Нападение со стороны какого бы то ни было государства не представляет для неё угрозы из-за специфики регио-

нальной архитектуры безопасности. В отношении борьбы с терроризмом у страны имеется подразделение для отслеживания исполнителей терактов, в том числе посредством наблюдения за их активностью в Интернете. Эффективное противодействие вызовам в информационной сфере являлось обязательным требованием ещё до вступления Черногории в Альянс, так что возможности усиления её киберобороны за счёт членства в объединении несущественны.

Примечательно, что основной проблемой безопасности для Черногории в 2015 г. были забастовки и беспорядки, справляться с которыми призваны национальные силы правопорядка [Henderson, 2015]. Вероятность “суверенного дефолта”, проявившаяся в 2016 г., едва ли уменьшается благодаря членству в военно-политическом блоке [Terrorism..., 2016]. Напротив, обязательство Черногории повысить военные расходы отвлечёт ресурсы от социально-экономических нужд. В данной ситуации уместно сослаться на опыт Греции. Вступив в НАТО, страна не смогла обезопасить себя от угрозы со стороны Турции, а из-за её расходов на оборону задолженность перед иностранными кредиторами только увеличивалась.

Положение усугубляется также и тем, что реформы часто не доводятся до конца из-за популистских расчётов политиков и фактическом отсутствии системы сдержек и противовесов [Bertelsmann..., 2016]. Одной из причин этого является клиентелистская, как и в Греции, природа отношений между политиками и бюрократическим аппаратом. Лояльность тех или иных лиц в ходе выборов вознаграждается посредством престижных назначений или распределения материальных благ в их пользу [Bertelsmann..., 2016]. Соответственно, можно предположить, что реформы по укреплению институтов и повышению транспарентности при назначении на государственную службу будут и дальше тормозиться.

При этом, несмотря на саботаж многих преобразований, черногорское руководство может рассчитывать на поддержку западного сообщества. Не стоит, правда, забывать об отказе Европейского Союза выступить посредником на переговорах между черногорской оппозицией и правительством в разгар массовых выступлений осенью 2015 г. Пренебрежение состоянием общественных настроений может привести к ещё более радикальным антинатовским и антиамериканским настроениям.

В Черногории на фоне вероятного нарастания антинатовских настроений заметный крен в её внешней политике в сторону сотрудничества с западными странами в ущерб партнёрству с Россией может впоследствии сбалансироваться. По аналогии с Грецией, членство которой в ЕС и НАТО не только не мешает ей наращивать связи с Россией и Китаем, но даже подталкивает её к сближению с незападными партнёрами, Черногория также может восстановить многие контакты [Zotti, 2013]. Причём позитивные сдвиги возможны не только в гуманитарной и экономической сфере, но даже в военной. Например, членство Греции в НАТО не помешало ей закупать военную технику в России с конца 1990-х гг., так что к настоящему моменту Россия входит в пятёрку крупнейших поставщиков вооружений в Грецию, судя по стоимости приобретённой техники [SIPRI...].

Из этого следует, что даже на фоне антироссийских санкций само по себе членство в европейских и евроатлантических структурах не является препятствием для поддержания взаимовыгодных отношений с Россией. Можно ожидать, что по мере укрепления международных позиций Черногории, которой больше не придётся демонстрировать лояльность НАТО посредством антироссийских демаршей, и у неё появится достаточное пространство для маневра, чтобы дополнить свой евроатлантический вектор развития и другими связями, в том числе с РФ.

Таким образом, применив концепт “греческой болезни” для анализа экономических и политических процессов в Черногории, оказалось возможным не только вы-

явить общие закономерности в развитии двух стран, но и сформулировать тенденции будущего развития Черногории. Так, членство в НАТО не сможет существенно повысить уровень безопасности в стране, однако отвлечёт ресурсы от нужд экономической стабилизации. Кроме того, при доминировании клиентелистского типа отношений между политическими партиями и их электоратом сложно ожидать улучшения качества государственных институтов и открытия доступа во власть для широких слоёв граждан, что замедлит полноценный переход Черногории к демократии. Европейские и евроатлантические структуры не будут, однако, особенно акцентировать внимание на недоработках черногорского руководства, зато продолжат игнорировать запрос гражданского общества на перемены. С течением времени безоговорочное следование Черногории в фарватере западных стран, вероятно, будет сбалансировано за счёт сотрудничества с незападными партнёрами, что может способствовать и нормализации отношений с РФ.

Список литературы

- Глинкина С.П., Лобанов М.М. Проблемы внешнеэкономического сотрудничества России и республик бывшей Югославии в XXI в. // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015, № 12. С. 55–75.
- Зеликсон Д.И. (2015) Прямые инвестиции Греции на Западных Балканах. *Современная Европа*. №3 (63). С. 71–79.
- Квашнин Ю.Д. (2016) Кризис в Греции через призму развития человеческого капитала. *Современная Европа*. №5 (71). С. 91–102.
- Кириллов В.Б., Путинцев И.С. Отношения Молдавии и ЕС в 1998–2012 гг. *Вестник МГИМО-Университета*, 2012, № 6 (27). С. 26–33.
- Кириллов В.Б., Буланникова Ю.А. Международные отношения и внешняя политика Балканских стран: 1856–2014. М.: МГИМО-Университет, 2015. 340 с.
- Прудникова О.А. (2009) Проблема “проклятия природных ресурсов” и её влияние на экономический рост. *Вестник*. № 2(26). С. 28–31.

References

- Glinkina S.P., Lobanov M.M. Problemy vneshnejekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i respublik byvshej Jugoslavii v XXI v. // *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*. 2015, № 12. S. 55–75.
- Kirillov V.B., Putincev I.S. Otnosheniya Moldavii i ES v 1998–2012 gg. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2012, № 6 (27). S. 26–33.
- Kirillov V.B., Bulannikova Ju.A. Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnjaja politika Balkanskih stran: 1856–2014. M.: MGIMO-Universitet, 2015. 340 s.
- Kvashnin YU.D. (2016) Krizis v Grecii cherez prizmu razvitiya chelovecheskogo kapitala. *Sovremennaya Evropa*. №5 (71). S. 91–102.
- Prudnikova O.A. (2009) Problema “proklyatiya prirodnyh resursov” i eyo vliyanie na ehkonomicheskij rost. *Vestnik*. № 2(26). S. 28–31.
- Zelikson D.I. (2015) Pryamye investicii Grecii na Zapadnyh Balkanah. *Sovremennaya Evropa*. №3 (63). S. 71–79.
- Aon Risk Solutions, “Terrorism and Political Violence Risk Map 2016”, available at: <http://www.aon.com/terrorismmap/default.jsp> (Accessed 12 February 2017)
- Bacovic M. (2014) Demand Driven Growth in Small Open, Import Dependable Economy. *Economics*. Vol. 2. № 1. P. 1–10.
- Bertelsmann Stiftung, BTI 2016 — Montenegro Country Report. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2016.
- Bitros G. C. (2013) European Union Failures in Greece and Some Possible Explanations // *MPRA*. 2013. Current Account Balance (BoP, current US\$) // World Bank. URL: http://data.worldbank.org/indicator/BN.CAB.XOKA.CD?end=2015&name_desc=true&start=2004&view=chart (дата обращения: 10.02.2017)
- CEIC, “Greece External Debt: % of Nominal GDP”, available at: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/greece/external-debt--of-nominal-gdp> (Accessed 10 February 2017)
- Eurostat, “General Government External Debt – Annual Data”, available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=teina225&plugin=1> (Accessed 10 February 2017)
- Fabris N., Mitrovic M. (2012) Critical Overview of Montenegro’s Growth Model. *East-West Journal of Economics and Business*. Vol. 15. № 1-2. P. 129–150.
- GDP Growth (annual %) // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2015&locations=GR&start=1960&view=chart> (дата обращения: 10.02.2017)

- General Government External Debt – Annual Data // Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=teina225&plugin=1> (дата обращения: 10.02.2017)
- Greece External Debt: % of Nominal GDP // CEIC. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/greece/external-debt--of-nominal-gdp> (дата обращения: 10.02.2017)
- Gottschalk P., Gustafsson B., Palmer E., eds. (1997) *Changing Patterns in Distribution of Economic Welfare*. Cambridge University Press.
- Henderson N. (2015) 2015 Terrorism and Political Violence Risk Map – A Guide // *Aon Risk Solutions*.
- Miller T. J., Cleverley J. M. (2011) Greece’s Struggle to Escape the Past: A View from Inside. *Mediterranean Quarterly*. Vol. 22. № 4. pp. 46–61.
- Mogherini to Half-Empty Parliament: Opposition Refused my Invitation // CDM. 2017. URL: www.cdm.me/english/mogherini-half-empty-parliament-opposition-refused-invitation/ (дата обращения: 04.05.2017)
- Montenegro 2016 Report. Commission Staff Working Document. Brussels. 2016. URL: ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2016/20161109_report_montenegro.pdf (дата обращения: 04.05.2017)
- Pedaliu E.G.H. Greece and the Crisis: A Historical Perspective (2016) // CIDOB. P. 57–71.
- Ross M.L. (1999) The Political Economy of the Resource Curse // *World Politics*. № 51. P. 297–322.
- Services, etc., Value Added (% of GDP) // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.ZS?locations=GR&view=chart> (дата обращения: 10.02.2017)
- SIPRI Arms Transfers Database // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (дата обращения: 10.02.2017)
- Schmidt I. (2011) European Capitalism: Varieties of Crisis // *Alternate Routes – A Journal of Critical Research*. Vol. 22. P. 71–86.
- Terrorism and Political Violence Risk Map 2016 // *Aon Risk Solutions*. URL: <http://www.aon.com/terrorismmap/default.jsp> (дата обращения: 12.02.2017)
- Vučinić M. (2015) Financial stability – Comparative Analysis: Montenegro, Serbia and the Netherlands. *Journal of Central Banking Theory and Practice*. Vol. 4. № 1. P. 63–93.
- World Bank, “Current Account Balance (BoP, current US\$)”, available at: http://data.worldbank.org/indicator/BN.CAB.XOKA.CD?end=2015&name_desc=true&start=2004&view=chart (Accessed 10 February 2017)
- World Bank, “Services, etc., Value Added (% of GDP)”, available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.ZS?locations=GR&view=chart> (Accessed 10 February 2017)
- Zavrli D., Klijajic M. (2010) An Institutional Dynamics Model of the Euro Zone crisis: Greece as an Illustrative Example. The 2010 International Conference of the System Dynamics Society, Proceedings, System Dynamics Society, Seoul. P. 1–18.
- Zeneli V. (2012) The Global Economic Crisis and South East Europe: Consequences and Challenges for the Region / 24th Workshop of the Study Group “Regional Stability in South East Europe”. Vienna. P. 47–63.
- Zotti A. (2013) The Crisis of the Periphery. Greece and EU Foreign Policy. *ISPI Analysis*. № 160.

Transition societies through the “Greek disease” prism: example of Montenegro

Authors. Entina E., Candidate of Political Science, Associate Professor at National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), Senior Researcher at Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, 125009. **E-mail:** e.entina@hse.ru

Konovalova N., Junior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, **Address:** 15-2, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218. **E-mail:** konovalova.n.a@my.mgimo.ru

Abstract. The article addresses a “Greek disease”, which is a political economy phenomenon providing a framework for analyzing economic and political processes in transition societies. The authors assume that if external forces procure economic resources and political bonuses for a transition state in the absence of mechanisms for their efficient distribution, such a state is vulnerable for destabilization. To evaluate the resources application efficiency, the authors formulate a range of economic and political criteria based on the post-war Greek history. They show that its consumption-driven economic growth, weak manufacturing sector, and irrational distribution of finances received from abroad have resulted in the Greek inability to overcome the crisis without external support. The authors pay a particular attention to the fact that Greece was accepted into the EEC and NATO for strategic reasons while democratic and market reforms stalled. The revealed patterns are relevant for analyzing the situation not only in Greece, but also in another Balkan country – Montenegro, which is comparable to Greece in a number of aspects. The “Greek disease” paradigm allows to predict future economic and political developments in Montenegro, including changes in its foreign policy.

Key words: “Greek disease”, transition societies, NATO, European Union, Greece, Montenegro.